Дженнифер

Анна Ларен

Анна Ларен

Дженнифер

«Автор»
2026

Ларен А.

Дженнифер / А. Ларен — «Автор», 2026

Дженнифер Хейл приезжает в Эверден компаньонкой, надеясь обрести независимость. Она не ищет любви, но за холодной сдержанностью Себастьяна Вейна постепенно открывает человека, которому хочется доверить сердце.Однако прошлое его семьи связано с судьбой её матери, а за обещанной защитой скрывается опасное молчание. Чем ближе они становятся, тем страшнее Себастьяну признаться, почему он позволил ей приехать. Дженнифер предстоит понять, может ли она доверять любимому, а ему — рискнуть потерять её, дав ей право выбирать.

© Ларен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 5
Место для неё 5
Глава вторая 11
Эверден 11
Глава третья 16
Приглашение миссис Вейн 16
Глава четвёртая 21
Его правила 21
Глава пятая 29
Пуговица 29
Глава шестая 34
Разрешённый риск 34
Глава седьмая 39
Ужин в семь 39
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Анна Ларен
Дженнифер

Глава первая

Место для неё

Дом дяди и тёти никогда не казался Дженнифер особенно тесным, пока она не начала замечать, как мало в нём места именно для неё.

В тот день это началось с книги.

Накануне вечером она оставила её в малой гостиной, на столике возле окна. Заложила страницу узкой полоской бумаги и даже придвинула кресло так, чтобы утром свет падал на раскрытый том. У неё оставалось несколько глав, а тётя собиралась до полудня лежать с головной болью. Дженнифер рассчитывала закончить чтение.

Теперь на столике стояла ваза с засохшими травами. Кресло вернули к стене, книгу убрали.

Она нашла её на сундуке в передней, под дядиной дорожной накидкой. Бумажная закладка исчезла. Дженнифер раскрыла том на нужном месте и провела пальцем по краю страницы: угол был загнут, хотя сама она никогда этого не делала.

– Ты уже встала? – донеслось из столовой. – Принеси сюда счета, дорогая. Вчера мы так и не успели.

Головная боль у тёти, по-видимому, прошла.

Дженнифер осторожно расправила угол, закрыла книгу и отнесла её наверх.

Комната, которую ей отвели на втором этаже, выходила окнами во двор. По утрам там пахло сырым деревом и чем-то кисловатым от старых яблонь. Ветки подступали к самому стеклу; осенью, когда листья опадали, между ними становилась видна кирпичная стена соседнего дома. У кровати стоял небольшой стол, у стены – комод с нижним ящиком, который приходилось приподнимать обеими руками. Всё остальное место занимал сундук.

Дженнифер положила книгу на подоконник. Здесь её по крайней мере не накроют чужой одеждой.

Ей было двадцать два. Мать умерла, когда девочке исполнилось девять. С тех пор она жила здесь – сначала как родственница, которой дали кров после несчастья, потом как удобное присутствие: можно попросить переписать счёт, починить кружево, посидеть с тётей, если той скучно. А если в доме гости, достаточно вовремя подняться к себе.

Дженнифер не помнила дня, когда эти обязанности стали само собой разумеющимися. В девять лет ей хотелось быть полезной людям, которые её приютили. В двенадцать она уже знала, где лежат хозяйственные книги. К двадцати двум ей порой казалось, что, если она уйдёт, в доме некоторое время будут искать прежде всего чужие перчатки и неоплаченные счета.

Счета лежали в столовой. Возле них тётя оставила ножницы и распоротый чепец.

– Сначала перепиши это, – сказала она, придвинув к Дженнифер лист. – А после посмотри ленты. Мне кажется, их ещё можно использовать.

Дядя сидел с газетой у другого конца стола. Перед ним остывал кофе. Он не поднял головы, когда Дженнифер вошла, но накрыл ладонью письмо, лежавшее возле чашки.

Она села и обмакнула перо.

В счёте торговца свечами одна и та же сумма была внесена дважды. Дженнифер проверила дату, потом перечитала соседние строки.

– Здесь повтор, – сказала она.

– Где? – спросила тётя.

Дженнифер показала.

– Он прислал исправленный счёт, – отозвался дядя из-за газеты.

– В исправленном была другая цена за доставку. Этот мы получили во вторник.

Газета опустилась.

– Ты уверена?

Она кивнула.

Во вторник тётя ещё сердилась из-за испачканного подола и велела ей самой принять посыльного. На сгибе бумаги осталось мокрое пятно от его пальцев. Дженнифер помнила и пятно, и вычеркнутую цифру, и то, как он попросил расписаться быстрее: лошадь на улице не хотела стоять.

– В таком случае вычеркни, – сказал дядя.

Тётя вздохнула.

– Ты всегда замечаешь такие мелочи.

По её тону трудно было понять, одобряет она это или считает ещё одной досадной особенностью племянницы.

Дженнифер вычеркнула повторную строку.

Она помнила, как меняется голос дяди, когда он лжёт. Помнила, какие складки появляются у тёти возле рта, если та чем-то недовольна, но ещё не решила, можно ли сказать об этом вслух. Помнила расположение каждой трещины на потолке своей комнаты и точный звук, с которым скрипит третья ступенька лестницы. Иногда всё это утомляло. Чужой неудачный ответ, случайная грубость, взгляд, который следовало бы забыть, оставались с ней дольше, чем хотелось.

Зато, когда она вспоминала мать, многое ускользало.

Лицо ещё можно было удержать. Голос – нет. Стоило попытаться услышать его, и память послушно возвращала слова, но произносил их кто-то другой. Дженнифер давно перестала проверять себя по вечерам: после этого становилось трудно заснуть.

Она закончила первую страницу и потянулась за второй.

– Оставь пока, – неожиданно сказала тётя.

Дженнифер подняла глаза.

Дядя сложил газету. Письмо возле его чашки уже было распечатано; на белом сгибе темнел остаток печати.

– Нам нужно поговорить с тобой, моя дорогая.

Тётя встала.

– Перейдём в гостиную.

Дженнифер положила перо на край чернильницы. На пальце осталось синее пятно. Она потёрла его платком, прежде чем подняться, и только потом заметила, что оба родственника смотрят на неё.

В небольшой гостиной дядя устроился у камина, хотя огонь ещё не развели. Тётя подошла к окну и принялась перебирать складки шторы.

– Садись, – сказала она, не обернувшись.

Дженнифер села на край стула. Спину держала прямо, руки сложила на коленях – привычка, выработанная годами.

Дядя откашлялся.

– Тебе представилась редкая возможность. Совсем скоро ты отправишься в Эверден.

Она подняла глаза.

– В Эверден?

– Да. К мистеру Вейну. Точнее – к его тётке. Женщина серьёзно больна, нуждается в спокойной, разумной компаньонке. Нас просили подыскать подходящую девушку. И мы подумали… – он улыбнулся, – кто подойдёт лучше тебя?

Тётя наконец повернулась.

– Ты умеешь быть незаметной. Это ценят. И читаешь хорошо. А главное – не станешь задавать лишних вопросов.

Дженнифер посмотрела на письмо в дядиной руке.

Ей иногда говорили о будущем. Обычно это случалось после визита знакомых, у которых выросли дочери, или после очередного хозяйственного расхода. Тётя вздыхала, что всякая девушка должна наконец устроить свою жизнь; дядя соглашался, что они не вечны. Дженнифер слушала и чувствовала смутную вину, словно сама удерживала их в доме и заставляла стареть.

Но сейчас всё уже было решено. Она поняла это по тому, как тётя поправила штору и отошла от окна: разговор должен был занять ровно столько времени, сколько требовалось для сообщения.

– Когда мне ехать?

– Через три дня. Карету пришлют.

Три дня.

Дженнифер разжала пальцы на коленях. На платке осталось синее пятнышко, и она машинально повернула его чистой стороной вверх.

– Миссис Вейн знает, что у меня нет опыта ухода за больными?

– От тебя и не требуется быть сиделкой, – поспешила ответить тётя. – Читать, беседовать, составлять общество. То, что ты и здесь делаешь.

– Только там тебе будут платить, – добавил дядя.

Дженнифер снова посмотрела на него.

– Платить?

Он улыбнулся шире, принимая её удивление за благодарность.

– Несколько гиней в квартал. Точные условия тебе объяснят на месте. Полагаю, для начала вполне достаточно. Содержание, разумеется, за счёт хозяев.

Она представила деньги в своей руке. Не мелочь, которую тётя давала на ленты, требуя потом сдачу, и не сумму для посыльного. Жалованье. Его можно было отложить. На что-нибудь потратить, не объясняя, почему это понадобилось.

Прежде всего – купить книгу.

Ей стало стыдно за эту первую мысль. Потом стыд прошёл.

– А в доме есть ещё кто-нибудь из семьи? – спросила она.

– Племянник. Я же сказал – мистер Вейн.

– Я поняла. Я спрашиваю о других.

Тётя села в кресло напротив.

– Дженнифер, мы не составляли список обитателей усадьбы. У тебя будет достойное место в приличном доме. Миссис Вейн – женщина её лет и положения – едва ли стала бы приглашать девушку, если бы условия были неподобающими.

Дженнифер опустила глаза. Вопрос, казавшийся ей разумным, уже начинал выглядеть проявлением неблагодарности. Она знала, как легко это происходит, и всё же каждый раз испытывала желание объясниться.

– Я только хотела знать, что взять с собой.

Тётя немного смягчилась.

– Возьми серое платье. И тёмное. Голубое я велю убрать: на нём совсем истёрлись рукава.

Дженнифер любила голубое платье. Когда-то оно принадлежало тёте, потом его перешили для неё. Цвет почти выцвел, но ткань оставалась мягкой и не кололась у шеи.

– Я могу починить рукава.

– К чему тащить старьё? В новом доме на тебя будут смотреть.

Дядя свернул письмо.

– Это хорошо для тебя, Дженнифер. И кто знает, может, там ты даже найдёшь своё место.

Она кивнула.

Оба ждали ещё каких-то слов. Дженнифер поняла это по наступившему молчанию и заставила себя сказать:

– Спасибо, что сообщили мне заранее.

Тётя приподняла брови. Дядя, кажется, не заметил ничего необычного.

– Собирайся спокойно, дорогая. Возьми только самое необходимое.

Дженнифер поднялась и вышла.

На лестнице ей пришлось остановиться: в коридоре служанка несла корзину белья. Дженнифер отступила к стене, пропуская её, и услышала из гостиной голос дяди:

– Всё прошло гладко.

– Она обрадовалась деньгам, – ответила тётя. – Я говорила тебе, что возражений не будет.

– Всё-таки…

Он не договорил или понизил голос. Служанка поставила корзину на пол, и дно с глухим стуком ударилось о доски.

– Простите, мисс.

– Ничего.

Дженнифер помогла ей поднять ручку. Из корзины выскользнул край белой простыни; она подобрала его, чтобы тот не волочился по ступеням.

Больше из гостиной ничего не донеслось.

Наверху Дженнифер закрыла дверь и осталась стоять возле неё.

Ей дали работу. Через три дня она уедет из дома, где прожила тринадцать лет. Нужно было радоваться; она и радовалась, хотя пока чувствовала это только короткими, почти испуганными толчками. Потом вспоминала письмо, дядино довольство, слова тёти о ненужных вопросах, и радость отступала.

Она подошла к окну. На мокрой земле лежали яблоки, которые никто уже не собирал. Одно застряло в развилке голой ветки; ветер раскачивал его, но оно не падало.

Дженнифер вспомнила, где слышала имя Вейна.

Прошлой зимой у дяди обедал человек, которого после ужина проводили в кабинет. Он говорил громко, даже когда старался понизить голос. Себастьян Вейн вернулся из колоний; с ним будто бы произошло что-то неприятное. Или с его семьёй. Тогда Дженнифер убирала со столика чашки, и тётя попросила её зайти на кухню прежде, чем разговор закончился.

Ещё она помнила слова: «У него теперь никто подолгу не остаётся».

Кто их произнёс и о ком именно шла речь, она не знала.

Она попыталась представить хозяина Эвердена и увидела сурового пожилого человека, похожего на дядиного знакомого. Потом вспомнила, что тётка мистера Вейна ещё жива, и почувствовала досаду на собственную поспешность. По двум чужим фразам она уже успела придумать и лицо, и характер.

Дженнифер отвернулась от окна и выдвинула нижний ящик комода.

Он, как всегда, застрял на полпути. Она опустилась на колени, взялась обеими руками за края и приподняла. Дерево скрипнуло, ящик поддался, и лежавшая сверху шаль съехала ей на руки.

Почему-то именно это простое, привычное усилие едва не заставило её заплакать.

Здесь всё было знакомо: тяжёлый ящик, пятно на полу, трещина в стекле, которую зимой заклеивали бумагой. Она знала, куда поставить ногу, чтобы не скрипнула доска. Знала, сколько шагов от кровати до двери можно сделать в темноте. В новом доме ей придётся заново учиться каждому звуку – и каждому человеку.

Дженнифер прижала шаль к лицу, потом аккуратно сложила её и положила в сундук.

До обеда она успела перебрать бельё и вынуть два платья. Серое, тёмное. Голубое осталось на дне комода. Она уже закрыла ящик, но через минуту снова наклонилась и достала платье.

Рукава действительно истёрлись. Если подпороть манжеты и отвернуть ткань внутрь, потёртость почти не будет видна. На это понадобится вечер, может быть, два.

Она положила платье возле сундука.

Тётя заглянула после обеда. Оглядела разложенные вещи, задержалась взглядом на голубой ткани, но ничего не сказала. Из маленького свёртка она вынула пару перчаток.

– Эти можешь взять. Они мне узки.

Дженнифер приняла их. На одном пальце разошёлся шов.

– Спасибо.

Тётя провела ладонью по крышке комода.

– В большом доме легче, если с самого начала знаешь своё положение. Миссис Вейн будет ждать внимания. Не сиди с таким видом, будто мыслями ты где-то ещё.

– Я буду стараться.

– И не спорь со слугами. Через них всегда всё доходит до хозяев.

Дженнифер подняла голову.

– А о чём мне спорить со слугами?

Тётя поправила манжету.

– Я говорю вообще. Ты иногда отвечаешь так, что трудно понять, что у тебя на уме.

Она помолчала, рассматривая племянницу, и вдруг потянулась к её волосам. Поправила выбившуюся прядь за ухом – быстро, с некоторой неловкостью, словно собиралась сделать совсем другое движение.

– Ты стала похожа на мать.

Дженнифер замерла.

Тётя уже отвела руку.

– Особенно когда смотришь вот так. Прямо.

– Вы хорошо её помните?

Вопрос вырвался раньше, чем Дженнифер успела решить, стоит ли его задавать.

Тётя повернулась к двери.

– Конечно. Мы были знакомы много лет.

– Она тоже…

Дженнифер осеклась. Она хотела спросить что-нибудь совсем простое. Любила ли мать читать по утрам? Злилась ли, когда теряли её вещи? Был ли у неё такой же недостаток – запоминать то, чего другие предпочли бы не помнить?

Но тётя ждала, держась за дверную ручку, и все эти вопросы показались слишком длинными.

– Что? – спросила она.

– Ничего.

– Не засиживайся сегодня допоздна. У тебя ещё два дня, незачем делать всё сразу.

Дверь закрылась.

Дженнифер некоторое время смотрела на перчатки. Потом взяла иглу и зашила разошедшийся шов. Чужая рука была короче её собственной; ткань тянула между пальцами. Придётся носить осторожно.

К вечеру в сундуке оставалось место.

Это её удивило. Собрать всю жизнь оказалось нетрудно; больше времени ушло на то, чтобы решить, что из стоявшего на полках и лежавшего в ящиках ей позволено считать своим.

Два тома дядя когда-то дал ей со словами «возьми, если хочешь», но она не помнила, подразумевалось ли «почитать» или «совсем». Их она оставила.

Материнская книга была её без всяких оговорок.

Небольшой томик стихов, потемневший переплёт, несколько страниц, сшитых у корешка тонкой нитью. На внутренней стороне обложки мать написала её имя. Дженнифер часто рассматривала эту надпись: длинная первая буква, чуть наклонённые остальные, слишком тесное место перед последними двумя. Мать, вероятно, не рассчитала длину слова и дописала его мелко.

В детстве Дженнифер хотела, чтобы в книге было написано что-нибудь ещё. Теперь ей было достаточно имени.

Она провела по нему пальцем и убрала томик между платьями.

В маленькой шкатулке лежали серебряное кольцо и выцветшая лента. Кольцо было матери велико; Дженнифер помнила, как та придерживала его большим пальцем, когда снимала перчатку. Сама она надевала его только здесь, за закрытой дверью.

Сегодня кольцо оказалось холодным. Она подержала его в ладони, пока металл не согрелся.

Мать умела слушать. Дженнифер вдруг вспомнила это с такой ясностью, что у неё сжалось горло. Если девочка начинала рассказывать что-то за шитьём, мать могла ещё несколько раз провести иглой сквозь ткань, но потом откладывала работу. Поворачивалась. И можно было не торопиться, не искать заранее, какую часть истории придётся пропустить.

Лица в этом воспоминании почти не было. Только руки, неподвижно лежавшие поверх тёмной ткани, и ожидание, обращённое к ней.

Дженнифер надела кольцо. Оно свободно скользнуло к основанию пальца.

Она посидела так немного, потом сняла его и вернула в шкатулку.

Внизу зажгли свет. На лестнице послышались шаги; она узнала тётину походку и подождала, пока та пройдёт в спальню. Потом взяла с сундука голубое платье, пододвинула стул к столу и принялась распарывать манжету.

До Эвердена оставалось три дня. Она не знала ни больной женщины, которой должна была читать, ни человека, распоряжавшегося этим домом. Не знала, что именно заставило дядю так обрадоваться письму.

Зато теперь у неё был вопрос, который она задаст управляющему сама: сколько ей будут платить и когда.

Дженнифер положила возле лампы чистый листок и записала это, хотя забыть едва ли могла. Ниже добавила: «Свободное время».

Перо задержалось над бумагой. Она представила себе незнакомую комнату, где сможет поставить кресло у окна и оставить книгу на столе до следующего утра.

Потом отложила листок, вывернула рукав и сделала первый стежок.

Глава вторая

Эверден

Карета прибыла утром третьего дня.

Дженнифер услышала колёса ещё до того, как служанка постучала в её дверь. Она уже сидела в шляпе и перчатках возле закрытого сундука. Шаль лежала на коленях. Голубое платье было уложено на самое дно; манжеты удалось починить, хотя один рукав теперь казался немного короче другого.

Комната за последние два дня почти не изменилась. Только подоконник был пуст и на комоде остался светлый прямоугольник там, где стояла шкатулка. Дженнифер провела ладонью по этому месту, потом подняла шаль.

Внизу пахло кофе. Дядя вышел в переднюю с куском хлеба в руке; заметив кучера за открытой дверью, поспешно положил хлеб на блюдце.

– Всё готово? Превосходно. Сундук можете взять.

Кучер кивнул. Он был человеком лет сорока, с тяжёлым лицом и покрасневшими от ветра веками. Поднял сундук так легко, что Дженнифер стало неловко: казалось, ему сразу должно было стать ясно, как мало у неё вещей.

Тётя остановилась на пороге столовой.

– Перчатки не потеряй. Они ещё хорошие.

Дженнифер пообещала.

Она ждала, что сейчас придётся сказать что-нибудь значительное. Тринадцать лет всё-таки не могли окончиться пожеланием беречь перчатки. Но тётя поправляла на племяннице край шали, дядя смотрел на часы, и подходящих слов не находилось.

Дженнифер наклонилась и поцеловала тётю в щёку.

Та на мгновение задержала руку у её плеча.

– Напиши, как устроишься.

– Напишу.

Дядя пожал ей пальцы.

– Слушайся миссис Вейн. И помни: хороший случай выпадает не каждый день.

На улице было прохладно. Пока кучер крепил сундук, служанка выбежала из дома и сунула Дженнифер свёрток.

– Кухарка велела передать. В дорогу.

Внутри оказались хлеб и сыр, завёрнутые в чистую ткань.

– Поблагодари её, пожалуйста.

Служанка кивнула и отступила. Дженнифер уже поставила ногу на ступеньку, когда дядя окликнул кучера:

– Доставьте её прямо к управляющему. Там всё знают.

– Да, сэр.

Дверца закрылась. Дженнифер расположила свёрток возле себя и повернулась к окну. Тётя стояла в дверях. Дядя говорил ей что-то, слегка наклонившись; потом оба скрылись в доме.

Карета тронулась.

На первом повороте Дженнифер ухватилась за край сиденья и вдруг поняла, что больше не должна возвращаться к недописанному счёту. Эта мысль была такой неожиданно приятной, что она почти улыбнулась.

Довольно скоро знакомые улицы кончились. Потянулись огороды, низкие изгороди, поля с узкими полосами неубранной травы по краям. На одном из дворов мальчик пытался загнать гусей за калитку. Гуси сердились, мальчик сердился ещё сильнее. Дженнифер успела увидеть, как один из них проскользнул у него между ног, прежде чем карета оставила двор позади.

Она села удобнее.

После нескольких часов дороги начали ныть спина и колени. Шляпа сползала на лоб; завязки натирали подбородок. Дженнифер ослабила их и вынула из свёртка хлеб. Ей хотелось читать, но стоило открыть книгу, как строки начинали качаться перед глазами.

Она закрыла томик. Попробовала представить миссис Вейн.

В письме, которое дядя в конце концов позволил ей прочитать, говорилось о спокойном нраве, хорошем почерке и умении читать вслух. О том, какие книги любит больная женщина, там не было ни слова. Дженнифер надеялась, что не только проповеди. Она умела читать их почтительным голосом, но иногда думала, что даже составители не предполагали, сколько раз один и тот же довод придётся повторить несчастному слушателю.

От этой мысли стало легче.

Она прижалась виском к обивке и задремала. Проснулась, когда карета резко качнулась и замедлила ход.

За окном показался широкий двор постоялого дома. Кучер спрыгнул с козел, поговорил с вышедшим навстречу человеком и открыл дверцу.

– Остановимся ненадолго, мисс. Дальше до Эвердена ещё часа три. Можете размять ноги.

Дженнифер выбралась наружу. Земля под ногами казалась непривычно неподвижной.

У дверей стояла скамья. На ней сидела женщина с ребёнком, укутанным так, что виднелся только круглый нос. Женщина отодвинула корзину, освобождая место, но Дженнифер поблагодарила и прошлась вдоль стены. Ветер доносил запах дыма и жареного лука. После сырого воздуха в карете ей очень захотелось горячего.

Кучер, возвращаясь от конюшни, заметил её взгляд на открытую дверь.

– Чаю велено подать. Дорога оплачена до самого дома.

– И чай?

Он посмотрел на неё с некоторым удивлением.

– И чай.

Дженнифер почувствовала, как нагрелись щёки.

– Я хотела убедиться.

– Это разумно, мисс.

Он произнёс это без усмешки и придержал дверь.

В комнате для приезжих было тепло. Ей принесли чай и ломоть хлеба с маслом. Дженнифер села у стены, сняла перчатки и осторожно обхватила чашку обеими руками. На правой перчатке новый шов немного перекосился. Надо будет переделать, если в Эвердене найдётся час, когда никто не станет звать её вниз.

Через приоткрытую дверь были видны двор и часть конюшни. Кучер разговаривал с хозяином. Дженнифер не вслушивалась, пока не уловила название усадьбы.

– …снова ночью ездили, – сказал хозяин. – Я утром видел, следы свежие.

Ответа она не расслышала. Кучер повернулся к двери, увидел её за столом и отвёл взгляд.

Дженнифер отпила чай.

Речь могла идти о чём угодно. О гостях, о заболевшем человеке, о хозяйственных делах. В доме, где лежит тяжёлая больная, ночью вполне могли ездить за врачом. Она рассердилась на себя за то, что уже готова была придать значение нескольким словам.

Однако слова запомнились.

Когда они снова тронулись, Дженнифер спросила кучера, как его зовут.

Он обернулся через плечо.

– Хоббс, мисс.

– Спасибо за чай, мистер Хоббс.

Он помолчал, словно не сразу понял, за что его благодарят.

– Не за что.

После этого он закрыл дверцу бережнее, чем в первый раз.

Дорога пошла вверх. Деревни встречались реже, деревья стояли ближе к изгородям; в глубоких колеях блестела вода. Между полями лежал туман, но на возвышенностях ещё было светло. Однажды из-за облаков вышло солнце, и на стекле проступили длинные потёки, которых Дженнифер прежде не замечала.

Она попробовала стереть один перчаткой. Потёк оказался снаружи.

К вечеру усталость стала такой, что тревожиться больше не получалось. Дженнифер хотела выйти из кареты, умыться и хотя бы немного посидеть без шляпы.

Поворот за поворотом, каменная ограда, открытые ворота. Колёса зашуршали по гравию.

Эверден показался между деревьями.

Дом был большим, каменным, с тяжёлой кровлей и длинными рядами окон. На верхнем этаже несколько ставен оставались закрытыми. У главного входа стояли два высоких куста, давно потерявших форму; сквозь оголённые ветки проступали тёмные стёкла. Боковая часть дома уходила за старые деревья, и Дженнифер не сразу поняла, где она кончается.

Двор убирали небрежно. Возле крыльца гравий был разровнен, дальше на нём лежали мокрые листья. У флигеля стояла вторая карета – тёмная, без герба, с забрызганными колёсами. Одна из лошадей опустила голову почти до земли.

Хоббс остановил экипаж у ступеней.

Дженнифер надела перчатки, подобрала шаль и, прежде чем открыть дверцу, проверила, не осталось ли чего на сиденье. Накидка, книга, свёрток. Она сложила всё на коленях.

Снаружи уже ждал человек в тёмном сюртуке. Высокий, сухой, с узким лицом и аккуратно приглаженными волосами. Он не поторопился подать ей руку, но отступил, когда Хоббс помог ей спуститься.

– Мисс Хейл, полагаю. Мортон, управляющий.

– Добрый вечер.

В голосе после долгого молчания появилась хрипота. Дженнифер откашлялась.

– Миссис Вейн знает о моём приезде?

– Разумеется. Она отдыхает. Вас представят ей завтра утром.

Он взглянул на свёрток у неё в руке.

– Вещи отнесут. Прошу за мной.

В холле пахло холодным камнем, старым деревом и воском. У лестницы горели свечи; дальше, за широкой аркой, виднелся ещё один коридор. Дженнифер остановилась, пока глаза привыкали к полумраку. После тесноты кареты здесь было слишком просторно.

Где-то в глубине дома звякнула посуда. Слышался мужской голос, затем тихо закрылась дверь.

Мортон поднялся на несколько ступеней и оглянулся.

– Ваша комната в восточном крыле. Роуз принесёт всё необходимое.

Дженнифер последовала за ним.

Ковёр на лестнице был протёрт посередине, зато перила гладкие и чистые. Вверху коридор расходился в две стороны. Мортон повернул направо. Проходя мимо небольшого окна, Дженнифер заметила во дворе человека, торопливо пересекавшего пространство между флигелем и домом. Он придерживал на плече плащ. Лица не было видно.

– Сюда, мисс Хейл.

Она ускорила шаг.

Комната оказалась небольшой и гораздо светлее коридора. Ставни были открыты; за окном темнел сад. Возле кровати стоял столик, у стены – комод, напротив него кресло с потёртыми подлокотниками. В камине лежали дрова, но огня ещё не было.

На столе Дженнифер увидела чистый лист бумаги и перо.

Мортон заметил, куда она смотрит.

– Если потребуется написать родственникам, письмо можно передать мне. Посыльный отправляется в город несколько раз в неделю.

– Благодарю.

Она положила книгу возле бумаги.

Управляющий направился к двери. Дженнифер успела окликнуть его раньше, чем он взялся за ручку.

– Простите. Мне хотелось бы уточнить условия.

Он повернулся.

Дженнифер почувствовала привычное желание сказать, что это может подождать. Вместо этого она сняла одну перчатку: палец снова упирался в тугой шов.

– Дядя сообщил о жалованье, но не назвал точной суммы. И я пока не знаю, всё ли время должна проводить с миссис Вейн.

Мортон посмотрел на неё внимательнее.

– Шесть гиней в квартал. Проживание и стол предоставляются. Порядок занятий определяет миссис Вейн.

– Жалованье получаю я?

Он слегка поднял брови.

– Вы поступили на место компаньонки, мисс Хейл. Именно вам его и будут выплачивать.

Дженнифер кивнула.

– Спасибо. Я должна была спросить.

– Разумеется.

Теперь это слово прозвучало суше.

– Ужин принесут сюда. В доме принято соблюдать тишину после девяти. Если что-нибудь потребуется, позвоните.

Он показал на шнур возле кровати.

Дженнифер проводила его до порога.

– А мистер Вейн? Он в доме?

Мортон задержал руку на двери.

– Мистер Вейн занят. Если он пожелает вас видеть, вам сообщат.

После его ухода Дженнифер некоторое время стояла посреди комнаты. Потом развязала шляпу.

Кожа под лентами горела. Она провела пальцами по шее, расправила затёкшие плечи и впервые за весь день глубоко вздохнула.

Под окном кто-то коротко свистнул. Дженнифер подошла к стеклу.

Тёмной кареты у флигеля уже не было. Она не слышала, как та уехала. От колёс остались две глубокие полосы, уходившие за угол дома. Хоббс вёл своих лошадей в другую сторону.

Дженнифер смотрела на следы, пока в дверь не постучали.

Пришедшая девушка несла кувшин. За ней двое мужчин поставили сундук.

– Я Роуз, мисс. Сейчас разожгу.

Она поставила воду, присела у камина и занялась растопкой. Дженнифер хотела сказать, что справится сама, но удержалась. Роуз действовала быстро и привычно; вскоре под дровами затрещало.

– Спасибо. Вы не знаете, куда выходит дорога за флигелем?

Роуз подняла голову.

– К хозяйственному двору. А дальше к старым воротам.

– Я видела карету.

Девушка поправила кочергой полено.

– Здесь иногда приезжают по делам.

– Понимаю.

Роуз встала, отряхнула подол.

– Горячую воду принесу перед сном. Если кувшин остынет раньше, позвоните.

Когда дверь закрылась, Дженнифер присела на край кровати. Огонь понемногу разгорался; в комнате запахло нагретым деревом.

Она достала из сундука шкатулку и материнскую книгу. Шкатулку поставила в верхний ящик комода. Томик положила на стол и раскрыла на первой странице.

Кресло у окна стояло немного боком. Дженнифер придвинула его так, чтобы удобно было читать, затем вернулась к сундуку.

У неё было жалованье, отдельная комната и вечер, в который не нужно переписывать чужие счета. До знакомства с миссис Вейн оставалась целая ночь.

Она потянулась к застёжке дорожного платья и обнаружила, что по-прежнему сжимает перчатку.

Глава третья

Приглашение миссис Вейн

Утром Дженнифер разбудил стук в дверь.

Несколько мгновений она лежала неподвижно, не узнавая комнаты. Огонь в камине погас. Сквозь шторы проходил бледный свет, на стене возле комода виднелась длинная тень от оконной рамы.

Потом она вспомнила дорогу и управляющего.

– Войдите.

Роуз внесла поднос и кувшин с водой. Щёки у неё порозовели от лестницы.

– Доброе утро, мисс. Миссис Вейн примет вас в десять. Мистер Мортон придёт за вами.

Дженнифер приподнялась на локте.

– А который сейчас час?

– Половина девятого.

Она села.

Дома к этому времени уже успевали позвать её дважды. Здесь на подносе стояли чайник, чашка и тарелка с тёплым хлебом. Дженнифер посмотрела на них с некоторым недоверием.

– Мне следовало спуститься к завтраку?

– Миссис Вейн завтракает у себя. Вам велено пока приносить сюда.

Слово «пока» несколько уменьшило удовольствие, но хлеб пах хорошо.

Роуз поставила воду на умывальник.

– Помочь вам одеться?

– Если вы не заняты.

Девушка удивлённо взглянула на неё.

– Для того и пришла, мисс.

Дженнифер поблагодарила и выбрала серое платье. Пока Роуз застёгивала крючки на спине, она разглядывала в маленьком зеркале своё лицо. После дороги оно казалось ещё бледнее обычного. Под глазами легли тени.

– Миссис Вейн давно больна? – спросила она.

– С осени ей хуже. Раньше выходила в сад, теперь редко.

– Ей трудно долго слушать?

Роуз задержала руки.

– Когда как. Иногда просит читать. А иногда книга только мешает, но сама она этого не скажет.

– Почему?

– Не любит, когда заметно, что она устала.

Дженнифер встретилась с девушкой глазами в зеркале. Та отвела взгляд и поправила ворот платья.

– Если начнёт тереть пальцами край простыни, лучше остановиться. Только не спрашивайте при ней, не пора ли отдохнуть. Сердится.

– А что спросить?

Роуз задумалась.

– Может, не хочет ли она, чтобы поправили подушки.

Дженнифер улыбнулась.

– Спасибо. Мне самой до этого было бы трудно додуматься.

Девушка тоже чуть улыбнулась. У неё оказалось совсем молодое лицо, когда она переставала держать губы так плотно.

Роуз ушла, оставив Дженнифер завтракать. Та отпила чай, потом отломила хлеб. Он был мягким, корочка хрустела под пальцами. Дженнифер съела всё и, прежде чем позвонить, успела открыть книгу.

В десять за ней пришёл Мортон.

Она ждала возле двери. В руках у неё был чистый носовой платок; чернильное пятно на старом отстиралось не до конца, и его она убрала в сундук.

Они прошли по коридору к лестнице. Здесь при дневном свете удалось различить узор ковра – вытертые зелёные листья на тёмном фоне. Слева начиналась широкая галерея.

– Комнаты миссис Вейн в западной части дома, – сказал Мортон. – Вы будете приходить по этой галерее. Дальше, за аркой, служебная лестница и несколько закрытых помещений. Туда ходить не требуется.

Дженнифер посмотрела в указанную сторону. В конце галереи стояла тяжёлая дверь. Медная ручка была вычищена; возле замочной скважины темнели старые царапины.

Мортон остановился гораздо раньше, возле двери с маленьким столиком.

Постучал, дождался ответа и пропустил её вперёд.

В комнате было тепло. Шторы закрывали большую часть окон, но возле кровати оставался узкий просвет. На столе стояли стакан с водой, несколько флаконов и ваза с высохшими цветами. Сладковатый запах смешивался с горечью лекарств.

Миссис Вейн полусидела на высоких подушках.

Она была женщиной лет шестидесяти, с гладко зачёсанными седыми волосами. Болезнь заострила её лицо; кожа у висков казалась почти прозрачной. Зато глаза оставались ясными. Они сразу остановились на Дженнифер, и та невольно выпрямилась.

– Подойдите.

Дженнифер подошла и наклонила голову.

– Доброе утро, мэм.

Миссис Вейн долго смотрела на неё.

Дженнифер успела подумать о вороте, о волосах, о том, не слишком ли поспешно застегнула платье Роуз. Пальцы сами потянулись к манжете. Она удержала их.

– Вас зовут Дженнифер.

– Да, мэм. Дженнифер Хейл.

– Я знаю.

Женщина откинулась на подушки.

– Садитесь. Нет, ближе. Не люблю разговаривать через всю комнату.

Кресло стояло возле столика. Дженнифер придвинула его и села.

– Дорога была тяжёлой?

– Долгой. Но обо мне хорошо позаботились.

– Это вам положено. Мне не нужна компаньонка, которую привезут сюда полумёртвой.

В голосе прозвучало раздражение, хотя Дженнифер, насколько могла судить, ещё ничем его не заслужила.

– Вы умеете читать вслух?

– Да.

– Писать разборчиво?

– Да, мэм.

– Молчать, когда вас об этом просят?

Дженнифер подняла глаза.

Она вспомнила тётю возле окна. Те же слова в этом доме произнесли иначе: миссис Вейн не улыбалась, ожидая послушного ответа.

– Если есть причина, – сказала Дженнифер.

Пауза затянулась.

– Причины найдутся, – ответила женщина. – Но я предпочитаю, чтобы человек понимал, о чём его просят.

Дженнифер не знала, считать ли это одобрением.

Миссис Вейн потянулась к книге на столике, не дотянулась и нетерпеливо шевельнула рукой. Дженнифер подала том.

– Здесь закладка. Начните с неё.

Это оказались проповеди.

Дженнифер раскрыла книгу и принялась читать. Первые строки дались труднее, чем она ожидала: во рту пересохло, собственный голос слышался слишком отчётливо. Она замедлила речь. Миссис Вейн закрыла глаза, но через минуту поправила одно слово.

Дженнифер вернулась к началу фразы.

– Вы не ошиблись, – сказала женщина. – Это мне показалось.

– Тогда продолжать?

– Разумеется.

Она прочла ещё несколько страниц. Голос постепенно успокоился. За окном что-то стукнуло по стеклу; Дженнифер подняла голову и увидела качнувшуюся ветку. Миссис Вейн открыла глаза.

– Вас отвлекает сад?

– Я не привыкла к этому звуку. Теперь не будет.

– В Эвердене много звуков, к которым приходится привыкать.

Она сказала это устало, без особого значения. Дженнифер опустила взгляд на книгу.

Пальцы миссис Вейн перебирали край простыни.

Дженнифер закончила абзац и поставила том на колени.

– Вам удобно сидеть? Подушка сползла.

Женщина посмотрела на неё с подозрением.

– Кто вам сказал?

– Я вижу.

Это было не совсем неправдой: одна из подушек действительно лежала ниже другой.

Миссис Вейн помедлила, затем кивнула. Дженнифер поднялась и осторожно помогла ей выпрямиться. Та оказалась легче, чем выглядела под одеялом. На короткое мгновение её рука оперлась на плечо Дженнифер; пальцы сжались с неожиданной силой.

– Вот так, – сказала она, когда всё было устроено. – Пожалуй, пока достаточно.

Дженнифер положила книгу на стол.

– Вы будете читать мне по утрам, – продолжила миссис Вейн. – И писать, если потребуется. После обеда иногда сидеть со мной. Если я сплю, можете заниматься своими делами. Роуз сообщит, когда вы нужны.

– Да, мэм.

– Вам объяснили насчёт жалованья?

Дженнифер кивнула.

– Шесть гиней в квартал.

– Всё верно. Скажите Мортону, если понадобится что-нибудь для комнаты.

Дженнифер посмотрела на свои руки. Теперь следовало поблагодарить и уйти. По крайней мере, дома именно в этом месте разговор считался законченным.

– Могу я ещё спросить?

Миссис Вейн чуть приподняла брови.

– Вы уже спрашиваете.

Дженнифер почувствовала, что краснеет.

– Я хотела знать, можно ли мне пользоваться библиотекой.

– Если умеете ставить книги на место. У нас и без того достаточно потерь.

– Я буду аккуратна.

– Тогда пользуйтесь.

Миссис Вейн посмотрела в сторону окна.

– И гуляйте, пока погода позволяет. Здесь легко просидеть целый день, если ждать, когда кто-нибудь разрешит выйти.

Дженнифер невольно улыбнулась.

– Я постараюсь не ждать слишком долго.

Женщина снова повернулась к ней. Во взгляде появилось что-то пристальное, почти болезненное.

– Ваша мать так же улыбалась.

Дженнифер перестала улыбаться.

Несколько секунд она слышала только собственное дыхание.

– Вы знали мою мать?

– Да.

Ответ был таким простым, что она не сразу поняла его.

– Дядя не говорил…

– Ваш дядя, – медленно произнесла миссис Вейн, – вероятно, не счёл нужным. Вы были совсем маленькой, когда я видела вас в последний раз.

Дженнифер попыталась вспомнить это лицо с более тёмными волосами, без следов болезни. В памяти ничего не отозвалось.

– Я вас не помню.

– Было бы странно, если бы помнили.

– Она бывала здесь?

Миссис Вейн провела пальцами по одеялу.

– Когда-то. Помогала мне с письмами и записями. У Маргарет был хороший почерк.

Имя, произнесённое чужим голосом, неожиданно сделало мать совсем близкой. Дженнифер наклонилась вперёд.

– Она любила это?

– Что?

– Писать. Переписывать чужие бумаги.

Миссис Вейн долго смотрела на неё.

– Не знаю, – сказала она наконец. – Я никогда не спрашивала.

Дженнифер опустила глаза.

Вопрос был глупым: если человеку нужна работа, он не обязательно любит то, за что ему платят. Но ей хотелось узнать о матери хоть что-нибудь, не связанное с болезнью, смертью или её собственной благодарностью родственникам.

– У меня есть кое-что из её вещей, – сказала миссис Вейн.

Дженнифер подняла голову так быстро, что женщина нахмурилась.

– Не нужно так смотреть. Я намерена отдать их вам.

– Какие вещи?

Миссис Вейн попыталась ответить, но закашлялась. Кашель был глубоким и долго не отпускал. Дженнифер встала, подала воду. Пока женщина пила маленькими глотками, в дверь вошла Роуз.

Она быстро подошла к кровати.

– Я слышала, мэм. Попробуйте чуть выше.

Они вдвоём поправили подушки. Роуз поставила стакан и накрыла руку миссис Вейн краем одеяла.

– Вам лучше отдохнуть.

– Вы обе уже сговорились, – с раздражением произнесла та.

Но глаза закрыла.

Дженнифер осталась стоять возле кресла. Ей хотелось спросить ещё раз. Вещи матери тринадцать лет находились в этом доме; как можно было сейчас оставить их неназванными?

На подушке лежало утомлённое лицо. Дженнифер взяла со столика книгу.

– Я приду, когда вы захотите продолжить чтение.

Миссис Вейн чуть шевельнула пальцами.

В коридоре Дженнифер остановилась возле окна. Подоконник был холодный, она прислонила к нему ладони.

В Эверден её пригласили не совсем чужие люди.

От этого должно было стать спокойнее. Вместо спокойствия появилось растерянное чувство, будто в давно знакомой истории открыли дверь, которой раньше не было. Почему тётя никогда не упоминала этот дом? Почему дядя сказал, что миссис Вейн просто искала подходящую девушку?

Дженнифер мысленно повторила всё, что услышала, стараясь ничего не прибавить.

Мать помогала с письмами. Приезжала сюда. У миссис Вейн остались её вещи.

Остального она пока не знала.

Роуз вышла через несколько минут и тихо притворила дверь.

– Она уснула.

– С ней часто так бывает?

– Если долго говорит.

Дженнифер кивнула.

Роуз помялась.

– Не обижайтесь, если она резко отвечает. Ей бывает трудно, когда приходится помогать.

– Я не обиделась.

Это было правдой. На миссис Вейн она сейчас не могла обижаться: та знала мать и помнила её улыбку.

Они пошли вместе по галерее.

– Покажете мне потом библиотеку? – спросила Дженнифер.

– Могу сейчас. Только сначала отнесу вниз поднос.

– Я подожду.

Роуз взглянула на неё.

– Вам незачем ждать меня, мисс. Я скоро приду.

– Мне всё равно пока некуда спешить.

От собственных слов Дженнифер стало непривычно легко.

В комнате она написала короткое письмо родственникам. Сообщила, что добралась благополучно, что миссис Вейн приняла её и условия работы объяснены. О матери не написала. Перечитала страницу, сложила, но оставила незапечатанной на столе.

Потом вынула из ящика шкатулку. Открыла, посмотрела на кольцо и ленту. Раньше это были почти все вещи, которые могли рассказать ей о матери. Теперь где-то в другом конце дома лежало что-то ещё.

Дженнифер закрыла крышку.

Когда за ней пришла Роуз, она уже ждала у двери.

Глава четвёртая

Его правила

Библиотека находилась внизу, за дверью, возле которой стоял высокий шкаф с фарфором. Дженнифер прежде заметила шкаф и решила, что дальше начинается столовая.

– В столовую через холл, – объяснила Роуз. – Если здесь закрыто, можно пройти с другой стороны, через маленькую гостиную. Только там ступенька у двери, смотрите под ноги.

Девушка открыла дверь, придержала её и отошла.

В библиотеке было светло.

Дженнифер остановилась на пороге. После полутёмной галереи свет казался почти летним. Окна выходили в сад; возле одного стоял письменный стол, возле другого – кресло с низкой скамеечкой для ног. На столе лежали бумаги и раскрытая книга. Между двумя высокими шкафами виднелась стеклянная дверь на каменную площадку.

– Можете здесь сидеть, мисс. Миссис Вейн прежде почти каждый день спускалась.

Дженнифер провела рукой по спинке кресла.

– А теперь?

– Иногда просит принести книгу. Только надо не перепутать. Серые тома очень похожи.

– У неё есть любимый?

Роуз пожала плечами.

– Тот, который я несу, обычно оказывается не тем.

Дженнифер засмеялась. Роуз посмотрела на неё и тоже улыбнулась, уже открыто.

– Я вчера принесла третий вместо второго. Так она сказала, что не для того дожила до своих лет, чтобы начать историю с середины.

– Надеюсь, сегодня мы начали с нужного места.

– Она вас не поправляла?

– Один раз. Но потом сказала, что сама ослышалась.

– Значит, довольна.

Роуз произнесла это с такой уверенностью, что Дженнифер захотелось ей поверить.

Из коридора донёсся звонок. Девушка обернулась.

– Это не у миссис Вейн, – поспешно добавила она, заметив движение Дженнифер. – Мне вниз надо. Обед принесут к вам, как вчера. Только позже: сегодня кухарка сердится на всех.

– На меня тоже?

– Пока не знает, за что.

Роуз ушла, оставив дверь приоткрытой.

Дженнифер огляделась.

Книги занимали три стены. Внизу, на уровне глаз, стояли история, путешествия и собрания проповедей; выше виднелись ряды потёртых кожаных корешков с почти стёртыми надписями. Некоторые полки были полупусты. На двух из них пыль сохраняла светлые прямоугольники, где прежде стояли тома.

Она не стала трогать бумаги на столе.

Несколько минут ушло на то, чтобы привыкнуть к мысли: можно просто выбирать. Никто не скажет, что она заслоняет свет, и не попросит сначала отнести наверх корзинку с шитьём. Дженнифер достала книгу о путешествиях, подержала её в руках и поставила обратно. Рядом стоял второй том. На этот раз она взяла оба.

Села возле окна.

Автор много рассуждал о трудностях пути. На каждой новой странице оказывалось, что его ограбили, обманули или накормили хуже, чем он надеялся. Постепенно Дженнифер начала подозревать, что важнейшей причиной путешествия была надежда найти место, где всё устроено в точности как у него дома.

Она прочла ещё несколько страниц, улыбаясь, и вдруг спохватилась.

Миссис Вейн обещала отдать ей вещи матери. Нужно было решить, как спросить об этом снова. Если прийти сразу после обеда, женщина, возможно, ещё будет отдыхать. Если дождаться, когда та позовёт сама, разговор может уйти в другую сторону.

Дженнифер положила закладку.

В саду светлело. Ветер качал ветви, но дорожка под окнами уже подсохла. Она вспомнила совет миссис Вейн и поднялась.

Стеклянная дверь открылась с трудом. Пришлось чуть приподнять раму, прежде чем щеколда поддалась. За дверью была широкая каменная площадка, от которой в сад спускались несколько ступеней.

Дженнифер постояла на верхней.

Возле дома ещё держалась прохладная тень. Дальше, на голых ветках, блестели капли. Под стеной тянулась полоса земли с обрезанными стеблями; рядом кто-то оставил садовые ножницы. Всё это выглядело обычным и потому успокаивало.

Она спустилась и пошла по дорожке. За поворотом увидела старую скамью. На одном конце лежали мокрые листья. Дженнифер смахнула их ладонью, потом решила не садиться: камень был холодным.

Сзади хлопнула дверь.

Она обернулась.

На площадке стоял мужчина.

Сначала Дженнифер заметила, как много места он занимает в дверном проёме. Высокий, широкоплечий, в тёмном сюртуке, с непокрытой головой. В одной руке он держал перчатки. На сапоге у щиколотки засохла светлая грязь.

Он смотрел прямо на неё.

Дженнифер сразу поняла, кто это, и всё же несколько мгновений сравнивала его с человеком, которого успела придумать накануне. Ни возраста, ни тяжёлого, рыхлого лица дядиного знакомого. Перед ней стоял мужчина значительно моложе, с резкими чертами и тёмными волосами, чуть примятыми у виска. Она почему-то задержала взгляд на этой примятой пряди.

Он начал спускаться.

Дженнифер отошла от скамьи. Ей захотелось убрать руку, которой она только что сметала листья: на пальцах осталась влага.

– Мисс Хейл.

Это прозвучало как утверждение.

– Да. Мистер Вейн?

– Себастьян Вейн.

Он остановился в нескольких шагах. На близком расстоянии лицо оказалось утомлённым; у внешнего угла глаза лежала тонкая складка. Взгляд был внимательным, но Дженнифер не могла понять, что именно он в ней оценивает.

– Надеюсь, дорога не слишком вас утомила.

– Я уже отдохнула. Благодарю.

– Комната удобная?

Она кивнула.

– В ней тепло.

Он посмотрел в сторону восточного крыла.

– Вчера растопили не сразу?

– Пока принесли мои вещи. Я не замёрзла.

Себастьян перевёл взгляд на её руки. Дженнифер невольно спрятала испачканные пальцы в складках шали и рассердилась на себя за это движение.

– Тётя вас приняла?

– Сегодня утром.

– Надолго?

– Мы немного читали. Потом разговаривали.

Он помолчал.

– Вам следует прекращать чтение раньше, чем она попросит. Сама она этого не сделает.

– Роуз объяснила мне.

– Хорошо.

Он сказал это так, словно один из пунктов составленного им списка можно было вычеркнуть.

Дженнифер почувствовала досаду. Она ожидала, что хозяин дома будет строгим, возможно, неприветливым. Но до сих пор ей не приходило в голову, что после первой же встречи она почувствует себя недостаточно хорошо выполненным поручением.

Себастьян развернул перчатку в руке.

– Мортон показал вам дом?

– Он показал мою комнату и дорогу к миссис Вейн. Роуз – библиотеку.

– Этого пока достаточно. За аркой в западной галерее закрытые помещения. По двору к старому флигелю одной лучше не ходить: там разбирают часть лестницы.

Дженнифер кивнула.

– А сад?

– Что сад?

– В нём мне можно гулять?

Он взглянул на скамью, затем снова на неё.

– Разумеется.

– Я хотела убедиться, что правильно поняла.

В его лице что-то изменилось. Не улыбка – скорее краткое движение внимания, которого прежде не было.

– Вы часто уточняете распоряжения?

Дженнифер почувствовала, как напряглись плечи.

– Когда от меня ждут, что я их выполню.

Он несколько секунд смотрел на неё.

Она уже приготовилась извиниться за тон, хотя не понимала, что именно сказала дурного. Извинение привычно подступило к губам. Дженнифер промолчала.

– Тогда будем считать, что с садом всё ясно, – произнёс Себастьян.

Он отступил в сторону, освобождая дорожку к дому.

– Добро пожаловать в Эверден, мисс Хейл.

И поднялся по ступеням.

Дженнифер осталась возле скамьи. Сердце билось быстрее, чем требовалось после такого короткого разговора. Она расправила шаль и посмотрела на мокрые пальцы.

Можно было бы сразу объяснить, что она убирала листья. Но он ведь не спрашивал.

Она прошла ещё немного, пока не перестала слышать собственное дыхание так отчётливо. Сад оказался больше, чем выглядел из окна. За кустами открылась ещё одна дорожка, ведущая к хозяйственному двору; Дженнифер не пошла по ней. Вернулась к площадке и поднялась к библиотеке.

Дверь была закрыта, но щеколда поддалась. На этот раз Дженнифер приподняла раму сразу.

Оставленный ею том лежал на скамеечке. Она забрала его в комнату.

После обеда миссис Вейн не позвала. Роуз сообщила, что та спит, и попросила пока её не тревожить.

Дженнифер починила перчатку. Потом взялась за письмо родственникам и обнаружила, что не хочет его запечатывать. Если она умолчит о знакомстве матери с этим домом, тётя всё равно, возможно, узнает. Если спросит прямо, ответ получит нескоро и наверняка не на тот вопрос, который хотела задать.

Она убрала письмо в ящик.

Днём в комнате стало прохладнее. Дженнифер набросила шаль и снова спустилась в библиотеку: там было светло, а возле окна удобнее читать. Первый том путешествия она почти закончила.

Себастьян стоял у письменного стола.

Она увидела его слишком поздно, уже войдя. Он был без сюртука, в тёмном жилете; рукава рубашки закатаны. Он складывал какие-то бумаги и поднял голову на звук двери.

Дженнифер остановилась.

– Простите. Я не знала…

– Что?

Она замолчала. Он ждал.

– Что вы здесь.

Себастьян посмотрел на книгу у неё в руках.

– Вы пришли за вторым томом?

– Вернуть первый.

– Уже прочли?

– Почти.

Он протянул руку.

Дженнифер не сразу поняла, что он просит книгу, и почувствовала себя нелепо. Подала её корешком к нему.

Себастьян взглянул на имя автора.

– Тётя рекомендовала?

– Я сама выбрала.

– Не лучшее описание путешествия.

– У него всё время крадут завтрак.

Он поднял глаза.

Дженнифер поняла, как это прозвучало, и поспешила объяснить:

– То есть он почти каждый день пишет, что слуги не подали ему положенного. И никогда не допускает, что сам велел принести позже.

Себастьян открыл книгу в середине.

– Здесь он велел подать в четыре утра.

– Значит, мне ещё предстоит узнать самое тяжёлое.

Уголок его рта дрогнул.

Дженнифер отвела взгляд к полкам. Сейчас он выглядел иначе, чем в саду. В движении руки, переворачивавшей страницу, не было прежней сухой настороженности. Она успела заметить небольшой белый след на костяшке пальца.

– Если хотите узнать, как там жили, – сказал Себастьян, – возьмите том в сером переплёте. Второй сверху. Автор хотя бы разговаривал с людьми, у которых останавливался.

Дженнифер подошла к шкафу.

Над нужной полкой стояли книги по праву. Несколько корешков были без названий; между ними лежала тонкая тетрадь. Дженнифер придержала её, когда вытаскивала серый том.

– Это оставьте, – сказал Себастьян.

Она убрала руку.

Он уже стоял рядом. Не вплотную, но ближе, чем прежде; Дженнифер пришлось поднять голову, чтобы посмотреть на него.

– Здесь перемешаны книги и семейные записи. Последние я пока разбираю.

– Я не собиралась брать тетрадь. Она падала.

Себастьян посмотрел на полку. Тетрадь и в самом деле съехала почти на край.

Он поставил её ровно.

– Понимаю.

Дженнифер вытащила книгу и отошла от шкафа.

– Мне сказали, что библиотекой можно пользоваться.

– Можно. Я лишь прошу не трогать бумаги.

– Тогда, может быть, их стоит убрать отдельно.

Это вырвалось прежде, чем она успела смягчить слова.

В комнате стало тихо.

Дженнифер сжала книгу. Он был её хозяином – по крайней мере, человеком, в чьём доме она работала. Ещё вчера утром она надеялась получить собственное жалованье, а теперь спорила из-за тетради, которая ей совершенно не понадобилась.

Себастьян посмотрел на шкаф, потом на стол.

– Стоит, – сказал он.

Она не нашла, что ответить.

Он забрал тетрадь и положил её к остальным бумагам. Дженнифер ждала продолжения, но Себастьян уже перевязывал пачку.

– В некоторых комнатах давно никто ничего не разбирал, – произнёс он. – Поэтому и прошу пока пользоваться теми, которые вам показали.

– Я поняла.

– Надеюсь.

Последнее слово вернуло прежнее раздражение. Дженнифер посмотрела на него поверх книги.

– Я приехала читать вашей тётке. Для этого мне удобнее знать, чего от меня ждут. Если правила будут меняться в каждой комнате, я могу ошибиться.

Себастьян поднял голову.

Теперь она видела его лицо совсем ясно. Он не сердился – или ещё не решил, стоит ли. Дженнифер вдруг подумала о тётином предупреждении: «Отвечаешь так, что трудно понять, что у тебя на уме».

Она хотела только, чтобы он перестал разговаривать с ней как с человеком, заранее виноватым в чём-то.

– Что вам успели объяснить? – спросил он.

Она коротко перечислила часы чтения, жалованье и распоряжение оставлять миссис Вейн отдыхать.

Себастьян выслушал, не перебивая.

– Роуз будет сообщать, если тёте потребуется что-нибудь ещё. Я постараюсь, чтобы вас предупреждали заранее.

– Спасибо.

Поблагодарить на этот раз оказалось легко.

Он собрал бумаги, но не ушёл.

– Она говорила о вашей матери?

Дженнифер вскинула глаза.

– Да.

– Что именно?

Вопрос прозвучал слишком быстро. Она невольно прижала книгу к себе.

– Сказала, что знала её.

Себастьян ждал.

Дженнифер помедлила.

– И что у неё остались некоторые вещи. Она собиралась рассказать, но устала.

Он опустил взгляд на пачку в своих руках.

– Понятно.

– Мне не следовало спрашивать?

Он посмотрел на неё.

– Почему вы так решили?

Дженнифер не ответила.

Себастьян помолчал и отложил бумаги на стол.

– Вы вправе спрашивать, мисс Хейл. Я только прошу не утомлять её.

– Я остановилась.

– Мне сказали.

Она посмотрела на дверь, затем на книгу, которую держала так крепко, что заболели пальцы.

– Тогда я пойду.

Себастьян отошёл от стола. Дженнифер уже сделала шаг, когда он спросил:

– Как вы поняли?

Она обернулась.

– Что?

– Что пора закончить чтение. Обычно тётя уверяет, что может слушать ещё час.

В его голосе исчезло требование отчитываться. Он действительно ждал ответа.

– Роуз подсказала, на что смотреть, – сказала Дженнифер. – А миссис Вейн стала тереть край простыни. И перестала поправлять меня.

– Она поправляла вас?

– Сначала. Потом сказала, что сама ослышалась.

Себастьян чуть наклонил голову. На лице снова появилось то короткое движение, которое могло стать улыбкой.

– Значит, вы ей понравились.

Роуз сказала почти то же самое. Но теперь Дженнифер почему-то смутилась.

– Надеюсь, – ответила она.

Он открыл ей дверь.

Проходя мимо, Дженнифер почувствовала слабый запах кожи и свежего воздуха, оставшийся от его одежды. У неё возникло нелепое желание снова посмотреть ему в лицо, уже совсем близко. Она удержалась и вышла в коридор.

Только у лестницы вспомнила, что так и не посмотрела, какую книгу взяла.

Пришлось остановиться, развернуть том и прочесть его на корешке.

Глава пятая

Пуговица

Дженнифер дочитала всего три страницы.

Человек, чьи письма были собраны под серым переплётом, ни разу не пожаловался на завтрак. Он вообще редко вспоминал о еде, хотя, судя по всему, путешествовал с куда меньшими удобствами, чем вчерашний автор. Зато подробно описал мальчишку, который взялся показывать ему дорогу, дважды сбился с пути и в конце концов привёл к собственному дому.

Там путешественника накормили.

Дженнифер вернулась к началу письма, проверяя, не пропустила ли чего-нибудь. Нет, с мальчишкой он не расплатился. По крайней мере, написать об этом не счёл нужным.

Она уже придумала, что скажет Себастьяну, если он спросит о книге, и тут же рассердилась на себя. Он мог вовсе не спросить. Вероятно, к утру забудет и о книге, и о том, кому её рекомендовал.

Спать, однако, не хотелось.

За день она слишком часто соглашалась, отвечала, старалась запомнить дорогу, вовремя остановить чтение, не задать лишнего вопроса. Теперь, когда никто от неё ничего не ждал, в голове продолжались все недоговорённые разговоры. Мать бывала здесь. Прикасалась к этим вещам. Возможно, проходила по тому же коридору.

Дженнифер закрыла том, погасила свечу и легла.

Лунный свет доставал до края ковра. От окна тянуло холодом; она подобрала ступни, завернулась в одеяло и стала прислушиваться к дому. Скрипнуло дерево в камине, хотя огонь давно угас. Где-то далеко стукнула дверь. Потом наступила такая тишина, что шелест простыни под рукой показался неприлично громким.

Когда снизу донёсся негромкий рокот колёс, Дженнифер сначала решила, что задремала.

Звук приблизился и оборвался.

Она села.

Между шторами виднелась дорожка у бокового фасада. Днём там возили дрова; сейчас у поворота стояла карета. Различить её цвет было невозможно. На дверце тускло отразился свет фонаря, и Дженнифер невольно вспомнила свой приезд: тот же тёмный прямоугольник, тяжёлый верх, отсутствие герба.

Возможно, ночью все кареты выглядят одинаково.

Человек в плаще спустился на дорожку. Прежде чем захлопнуть дверцу, он обернулся к кучеру и что-то сказал. До окна слова не долетели. Кучер остался на месте.

У боковой двери ждали со светом. Дженнифер увидела лишь руку и узкую полосу стены, затем гость исчез внутри.

Она отступила от окна.

Можно было лечь. Всё происходившее имело самое обыкновенное объяснение: запоздавший посетитель, важное дело, дурная дорога. Но возле комнаты миссис Вейн недавно ходили тише, чем обычно, и у Дженнифер вдруг появилось желание убедиться, что больной не стало хуже.

Она надела туфли, набросила шаль на ночную рубашку и открыла дверь.

Коридор был пуст. В западной галерее горела одна лампа. Дженнифер прошла несколько шагов, услышала мужские голоса и остановилась у поворота, откуда начиналась лестница.

– Я передал то, с чем меня прислали.

Незнакомый голос был низким и слегка хриплым.

Ответа она не разобрала.

Потом кто-то сказал уже яснее:

– Здесь не место.

Дженнифер узнала Себастьяна.

Она сразу почувствовала себя девочкой, застигнутой у замочной скважины, хотя ни к одной двери ещё не подошла. Повернулась и поспешила к своей комнате. Шаль зацепилась за ручку; несколько мгновений она никак не могла освободить бахрому, и от этого простой поступок – вернуться в постель – стал похож на бегство.

В комнате было холодно.

Дженнифер плотнее прикрыла дверь и села на кровать, не снимая туфель. Теперь, если позовут, она будет готова. Так она объяснила себе и туфли, и то, что продолжала слушать.

Голоса больше не доносились.

Когда гость вышел, луна успела уйти за угол крыши. Дженнифер видела карету хуже, чем прежде. Человек сел внутрь, кучер взялся за вожжи. У колеса качнулся фонарь, свет скользнул по влажному гравию.

Она дождалась, пока стихнет последний стук, и только тогда легла.

Утром Роуз пришлось позвать её дважды.

– Уже поздно? – Дженнифер приподнялась так резко, что сползла подушка.

– Нет, мисс. Я принесла воду. Вы велели разбудить, если не встанете сами.

– Да. Спасибо.

Роуз поставила кувшин. Пар поднялся к её лицу и сразу исчез.

– Миссис Вейн спала?

– Под утро получше.

– К ней ночью приезжал доктор?

Служанка посмотрела на неё.

– Доктор был вчера после вашего чтения. Сегодня его пока не ждут.

Дженнифер стала искать вторую туфлю. Та лежала у самой ножки кровати, словно намеренно старалась не попасться на глаза.

– Мне послышалась карета, – сказала она.

– К мистеру Вейну иногда приезжают поздно.

Роуз произнесла это без особенной тревоги, поправила край полотенца и спросила, не принести ли ещё угля.

Дженнифер отказалась.

Пока умывалась, ночное происшествие заметно уменьшилось. Вода оказалась приятной, рубашка – помятой, волосы никак не желали укладываться у левого виска. Невозможно было одновременно бояться неизвестного посетителя и сердиться на собственную шпильку.

Но, выйдя из комнаты, она снова вспомнила голос: «Я передал то, с чем меня прислали».

Возле поворота к лестнице что-то блеснуло.

Дженнифер нагнулась.

На краю дорожки лежала пуговица – тёмная, металлическая, с узором, который сначала показался завитком. Она перевернула находку. Ушко сзади было погнуто, в нём застряли две короткие нитки.

Пуговицу оторвали.

Или она зацепилась за что-нибудь сама.

Дженнифер потёрла большим пальцем выпуклый рисунок. Под листьями, а может быть, перьями виднелся маленький щит. При скудном свете разобрать его не удалось.

– Вы что-то потеряли, мисс Хейл?

Мортон стоял внизу, у последней ступени. Она не слышала, как он подошёл.

– Нет.

Дженнифер выпрямилась, всё ещё держа пуговицу.

– Мне показалось, вы искали что-то на полу.

– Здесь зацепилась нитка.

Это было почти правдой. Оттого ответ понравился ей ещё меньше.

Мортон посмотрел на ковровую дорожку, потом на её лицо.

– Я скажу горничной. Края недавно подшивали.

– Не нужно. Я не споткнулась.

Она опустила руку. Пуговица легла в складку юбки и согрелась в ладони.

Управляющий отступил, освобождая дорогу.

За завтраком Дженнифер дважды намазала маслом один и тот же кусок хлеба. Только когда масло выступило по краям, заметила это и отложила нож.

Смешно было прятать чужую пуговицу. Следовало отдать её Роуз: та нашла бы владельца безо всяких затруднений. Но тогда пришлось бы объяснить, почему Дженнифер не отдала её сразу. Почему солгала Мортону. И зачем вообще вышла ночью из своей комнаты.

С каждым новым вопросом вещица становилась тяжелее.

Миссис Вейн в тот день захотела слушать стихи.

– Путешественник успеет добраться до следующей гостиницы без нас, – сказала она. – Если вы принесёте его ещё раз, я начну тревожиться о его пищеварении.

Дженнифер улыбнулась.

– У меня есть другая книга. Но она тоже о путешествиях.

– Его племянник? – спросила миссис Вейн.

– Простите?

– У нашего несчастного путешественника появился родственник, который тоже нуждается в ужине?

– Нет. Книгу дал мистер Вейн.

– Тогда тем более возьмите стихи.

Сказано было так невозмутимо, что Дженнифер не сразу поняла: над ней подшучивают.

Она принесла свой томик.

Миссис Вейн долго смотрела на переплёт.

– Маргарет берегла книги, – тихо сказала она.

– Этот корешок я сама чинила. Не очень хорошо.

– Видно, что держится.

Дженнифер устроилась у окна. Она собиралась спросить о вещах матери, но миссис Вейн уже закрыла глаза, ожидая чтения, и вопрос пришлось отложить.

На второй странице буквы стали расплываться. Дженнифер моргнула, нашла нужную строку и услышала собственный голос, по ошибке повторивший окончание предыдущей строфы.

– Она вам нравится? – спросила миссис Вейн.

– Что?

– Эта строфа. Вы читаете её второй раз.

Дженнифер опустила книгу.

– Простите. Я плохо спала.

– Чужая постель?

– Наверное.

Миссис Вейн протянула руку к стакану. Дженнифер подала его, проследила, чтобы пожилая женщина удобно легла, и подоткнула одеяло у локтя.

– У вас холодные руки, – сказала та.

Дженнифер сразу убрала их.

– Я вас потревожила.

– Я сообщила, что у вас холодные руки. Не все мои слова следует принимать за упрёк.

Она сказала это без раздражения, и Дженнифер стало стыдно уже по другой причине.

– Хорошо, – ответила она. Потом, помедлив, добавила: – Постараюсь различать.

Миссис Вейн посмотрела на неё внимательнее.

– Кедровый ящик у меня в гардеробной, – сказала она. – С медной защёлкой. Там лежит кое-что из бумаг вашей матери. Когда смогу посидеть подольше, мы его откроем.

У Дженнифер дрогнули пальцы на обложке.

– Спасибо.

– Если забуду, напомните.

Это разрешение оказалось важнее обещания. Дома Дженнифер слишком часто ждала, что о ней вспомнят сами, и слишком хорошо знала, чем обычно кончалось ожидание.

Она дочитала стихотворение до конца, уже не сбившись.

После чтения Роуз попросила её посидеть ещё несколько минут, пока принесут чистые наволочки. Дженнифер осталась. Миссис Вейн дремала; за дверью слышно было, как на другом конце коридора передвигают тяжёлую мебель и негромко спорят о том, кто должен держать угол.

Днём дом жил довольно шумно.

Дженнифер поймала себя на том, что прислушивается к этому шуму с облегчением.

Внизу она встретила Себастьяна.

Он остановился возле открытого шкафа, разбирая связку ключей. Один упал на пол; Себастьян поднял его, выпрямился и заметил её.

– Тётя спит?

– Да.

Он посмотрел на книгу.

– Стихи?

– Сегодня она сочла путешествия слишком утомительными.

– Для себя или для автора?

– Кажется, для его желудка.

Себастьян коротко улыбнулся, и Дженнифер с досадой почувствовала, что отвечает ему улыбкой прежде, чем успевает вспомнить ночной разговор.

Он убрал ключи в карман.

– Вы устали.

– Я перепутала строки. Вам уже сказали?

– Нет.

Он смотрел на неё без усмешки. При дневном свете тени под глазами, должно быть, были заметны сильнее, чем ей хотелось.

– Я плохо спала, – повторила Дженнифер своё утреннее объяснение.

Себастьян помедлил.

– Если тётя проснётся, к ней пойдёт Роуз. Отдохните.

– До обеда?

– Сколько потребуется.

Он сказал это просто. Дженнифер уже приготовилась услышать вопрос о том, что её разбудило, и оттого ответила не сразу.

– Благодарю вас.

Себастьян кивнул и пошёл дальше.

Она смотрела ему вслед, пока не сообразила, что стоит посреди прохода.

В комнате Дженнифер достала пуговицу.

При свете из окна на маленьком щите обнаружилась косая черта. Что изображено над ним, понять всё равно не удалось. Узор был стёрт, а край на одной стороне слегка погнут.

Она положила находку в шкатулку, рядом с серебряным кольцом, потом передумала и завернула в обрывок бумаги. Металл мог поцарапать кольцо. Это простое соображение вернуло ей спокойствие: с вещами по крайней мере можно было разобраться.

Ложиться она не стала. Раздвинула шторы, поставила кресло поближе к окну и взяла серую книгу.

Через несколько минут том соскользнул ей на колени.

Проснулась Дженнифер оттого, что затекла шея. За окном человек в рабочем фартуке ровнял гравий. Он шёл задом наперёд, водил граблями из стороны в сторону и время от времени останавливался, разминая плечо.

Там, где ночью стояла карета, уже не осталось колеи.

Дженнифер посмотрела на шкатулку. Ей захотелось вернуть пуговицу туда, где она её нашла, и избавиться заодно от всех вопросов.

Вместо этого она придвинула к себе лист бумаги.

«Ночью, после того как в доме затихли шаги. Карета у боковой двери. Двое мужчин на лестнице. Один – мистер Вейн».

Она остановилась, перечитала и добавила ниже:

«Пуговица найдена утром у поворота. Не знаю, имеет ли отношение к приезжему».

Последнюю фразу подчеркнула.

Бумагу убрала в ту же шкатулку. Теперь, если ночное воспоминание станет меняться, у неё останется запись того, что она действительно видела.

Глава шестая

Разрешённый риск

Письмо из Лондона принесли после полудня.

Себастьян узнал печать поверенного и велел оставить его одного. Мортон задержался у стола – возможно, ждал распоряжений к завтрашнему приезду каменщика, – но Себастьян не поднял головы, и дверь наконец закрылась.

В конверте лежали два листа.

Первый содержал обычные сведения, изложенные с той осторожностью, которая придавала каждому предположению вид окончательного заключения. На втором были торопливые заметки человека, наблюдавшего за домом на одной из лондонских улиц.

Дядя мисс Хейл получил деньги.

Секретарь Крофта встретился с ним дважды. Во второй раз беседа продолжалась больше часа. Провожая гостя, секретарь передал ему запечатанный пакет, а на следующий день Хейл уплатил часть долга, погашения которого прежде добивались напрасно.

Себастьян дочитал, перевернул лист и некоторое время смотрел на чистый оборот.

Подтверждение мало что меняло. Он знал достаточно ещё до приезда девушки.

В нижнем ящике стола хранилось другое письмо – с округлыми буквами, излишне широкими промежутками и множеством уверений в почтении. Мистер Хейл сообщал, что племянница воспитана скромно, склонна к чтению и благодарно примет место при пожилой даме. В самом конце, после нового выражения почтения, стояла фраза: «Её природная наблюдательность могла бы оказаться полезной и в иных домашних обстоятельствах».

Себастьян ещё тогда понял, что продают не одно её время.

Он ответил, что против приезда не возражает.

Тётка просила разыскать дочь Маргарет задолго до этого письма. Себастьян откладывал поиски, пока ему не сообщили о встречах Хейла с людьми Крофта. Тогда просьба тётки внезапно оказалась удобной.

За несколько дней он устроил то, для чего раньше не находил ни часа.

Теперь девушку поселили наверху, назначили жалованье, дали книгу из библиотеки. Вчера она спрашивала о правилах так серьёзно, словно их можно было однажды установить и затем просто соблюдать.

Он вспомнил, как она прижала том к себе, когда он заговорил о матери.

Хейл, вероятно, не объяснил ей ничего. Удобнее было присылать маленькие просьбы после её отъезда. Узнать, кто бывает в доме. Перечислить имена на конвертах. Переписать несколько строк, случайно оставленных на столе. Каждое поручение по отдельности можно было назвать семейной заботой.

Девушка могла выполнить первое, не заметив ничего дурного.

А к третьему уже считала бы себя виноватой.

Себастьян сложил лондонские листы и убрал к письму её дяди. Дверца ящика не сразу подалась; он надавил сильнее, потом отпер снова и расправил загнувшийся угол бумаги.

Звать мисс Хейл сейчас не следовало.

Она устала. Он сам отправил её отдыхать. Вечером ещё предстоял разговор с тёткой, утром – каменщик, и Эллис обещал вернуться с ответом не позднее конца недели.

Причины находились быстро.

Себастьян взял перчатки и вышел через хозяйственный двор.

У конюшни Хоббс чистил ремень. Он посмотрел на хозяина, на перчатки в его руке и без вопроса кивнул в сторону северной дорожки.

– Беннет отвёз всё утром. Масло, хлеб, свечи.

– Кто его видел?

Хоббс поднял глаза.

– Люди, которым он сказал, что везёт масло, хлеб и свечи.

Себастьян нахмурился.

– Я не об этом.

– Знаю, сэр.

Кучер снова принялся за ремень. Себастьян постоял ещё мгновение, недовольный тем, что не нашёл повода сделать замечание, и пошёл дальше.

Северная роща начиналась за низкой оградой сада. Через неё шла старая дорога к охотничьему домику; теперь по дороге почти не ездили, и в колее местами поднялась трава. Себастьян выбрал боковую тропу, миновал заросший пруд и вышел к каменной стене.

Издали домик казался пустым. Ставни нижнего этажа оставались закрыты, у крыльца никто не стоял. Только над трубой висела тонкая полоска дыма.

Беннет открыл прежде, чем Себастьян успел постучать вторично.

– Он наверху, сэр.

– Как нога?

– Ходит почти без палки.

Беннет произнёс это с осторожностью. Себастьян посмотрел на него, но тот уже отступил к двери кухни.

На лестнице пахло варёной капустой и древесной пылью.

Генри стоял у окна в одном жилете. Подоконник был усыпан крошками; за стеклом прыгала маленькая птица, тщетно пытавшаяся клюнуть их сквозь щель.

– Ещё хлеба привёз? – спросил он, не оборачиваясь.

– Ты мог бы открыть створку.

– Мне велено не показываться в окнах.

Себастьян прикрыл дверь.

Генри повернулся. Он похудел, хотя ел достаточно; борода отросла неровно, на щеке осталась полоска мыла. В двадцать пять лет младший брат всё ещё иногда напоминал Себастьяну мальчишку, сердившегося на необходимость мыть руки перед ужином. Сходство мешало больше, чем помогало.

– Я говорил не подходить к окнам, выходящим на дорогу.

– Здесь все окна куда-нибудь выходят. Это свойство окон.

– Генри.

– Прости. Ты пришёл, чтобы я был благодарен. Я опять забыл.

Себастьян положил перчатки на стол.

– Что сказал Беннет о ноге?

Генри взял палку, прислонённую к стене, и сделал несколько шагов. На обратном пути оставил её у стула.

– Ещё болит к вечеру. Но, как видишь, я уже могу дойти от окна до двери. Скоро решусь на лестницу.

– Не нужно превращать всё в издевательство.

– Тогда дай мне другое занятие.

На столе лежали книги. Один том был раскрыт на последней странице, второй служил подставкой для подсвечника. Себастьян сам выбирал их и теперь с досадой увидел, что оба прочитаны.

– Я пришлю новые.

– Мне нужны мои письма.

– Какие?

– Которые ты забрал вместе с бумажником.

– Я их не забирал. Они оставались в твоём сюртуке, когда тебя привезли.

– Прекрасно. Значит, ты их просто не возвращаешь.

Себастьян отодвинул стул, но садиться не стал.

Шесть недель назад Генри не мог подняться с постели без чужой помощи. Его нашли у дороги после встречи с человеком Крофта; деньги остались в кармане, зато исчезли бумаги, которые он нёс. В тот день Себастьян поклялся, что больше этого не допустит.

Теперь брат ходил, спорил и требовал вернуть ему возможность снова попасть под удар.

– Пока они считают тебя мёртвым, у нас есть время, – сказал Себастьян.

– У тебя есть время. Я здесь считаю, сколько раз Беннет поднимается с подносом.

– Ты знаешь, что произойдёт, если тебя увидят.

– Знаю, что может произойти.

– Разница невелика.

Генри опустился на стул. После ходьбы лицо его побледнело, и Себастьян почти обрадовался этому доказательству собственной правоты.

Потом Генри заметил его взгляд.

– Нога болит, – сказал он. – Оттого я всё ещё способен думать.

Себастьян отвернулся к окну.

Птица исчезла. На наружном краю подоконника остались крошки, которые Генри всё-таки сумел просунуть в щель.

– Эллис был ночью.

Генри сразу выпрямился.

– У тебя?

– Да. Пытался пройти к тётке. Я остановил его на лестнице.

– Зачем ему тётка?

– Говорит, у неё сохранились старые письма. Он принёс записку от человека Крофта и решил, что это даёт ему право выбирать, с кем разговаривать.

Себастьян не рассказал, что Эллис потребовал денег сверх обещанного и намекнул: за сведения о северной дороге можно получить больше. Намёк мог оказаться пустой угрозой. Ночью он трижды пытался понять, сколько приезжий знает, и всякий раз тот прятался за рассуждениями о трудных временах.

– Ты пустил его наверх? – спросил Генри.

– Его впустили у боковой двери. Когда я вышел, он уже поднимался. Дальше поворота не прошёл.

– Кто впустил?

– Выясняю.

Генри провёл ладонью по щеке, размазав остаток мыла.

– Значит, он ходит по дому, а мне нельзя открыть окно.

Себастьян промолчал.

Ему пришлось принять записку, выслушать торг, обещать рассмотреть новое требование. Если просто вышвырнуть Эллиса, тот уйдёт к Крофту с тем, что уже успел узнать. А Себастьяну всё ещё нужны были люди, способные вывести его на чужую переписку.

– В Эверден приехала дочь Маргарет, – сказал он.

Генри нахмурился, вспоминая.

– Та девочка?

– Ей двадцать два.

– Я помню только, как тётка говорила о ней. Зачем она приехала?

– Читать тёте. Её родственники согласились на место.

Генри ждал. Себастьян знал это выражение: младший брат умел слушать дальше сказанного, когда не был занят собственным гневом.

– Её дядя получает деньги от Крофта.

– За что?

– За сведения из нашего дома.

– И ты оставил её там?

– Она ничего не знает. Именно поэтому через неё будут действовать осторожно. Тот, кому нужны сведения, постарается связаться с ней или получить ответ дяди. Я смогу проследить.

Генри посмотрел на перчатки на столе.

– Она согласилась?

– Я только что сказал: она ничего не знает.

Брат поднял на него глаза.

Себастьян сжал спинку стула.

– В доме ей ничего не угрожает.

– Откуда тебе известно?

– Я не позволю.

– Ты и мне не позволил.

Они замолчали.

На первом этаже Беннет двигал заслонку; железо скрежетнуло, затем посыпались мелкие угли. В комнате было так тепло, что у Себастьяна вспотела ладонь под тесным манжетом.

– Я не виноват в том, что ты подписывал для Крофта, – сказал он наконец.

Генри откинулся к спинке.

– Нет. В этом я виноват сам.

В голосе брата не осталось насмешки, и Себастьян почувствовал, что разговор уходит туда, где у него уже не было удобного преимущества.

– Но и ты начал не с самого страшного, – продолжил Генри. – Вспомни это, когда попросишь её переписать какой-нибудь пустяк.

– Я не собираюсь просить её о подобном.

– Хорошо.

Генри опустил глаза на больную ногу.

Себастьян хотел сказать ещё что-то. Объяснить, что видит разницу. Что девушка получит жалованье, сможет ухаживать за тёткой, а после отъезда больше никогда не услышит имени Крофта. Что, если сейчас отпустить единственную нить, неизвестно, где окажется следующий удар.

Всё это он уже объяснял себе.

Он взял перчатки.

– Я попрошу Беннета вынести тебе кресло во двор.

– Удивительная щедрость.

– Хотя бы сегодня.

Генри ничего не ответил.

Спускаясь, Себастьян передал распоряжение. Беннет кивнул, спросил, оставлять ли дверь во двор открытой, и Себастьян велел запирать её, когда стемнеет.

Уже у калитки он оглянулся. На верхнем этаже открылась створка, и крошки полетели на землю. Генри стоял в глубине комнаты; разглядеть его с дороги было невозможно.

В Эверден Себастьян вернулся другим путём.

Из окна маленькой гостиной доносился женский голос. Он узнал Дженнифер и замедлил шаг, прежде чем успел решить зачем.

Она разговаривала с Роуз. В голосе появилась мягкая, почти весёлая настойчивость.

– Я могу сама. Только покажите, где держать ткань, чтобы не перекосилось.

– Здесь, мисс. Нет, чуть выше.

– Вот так?

– Теперь ровно.

Себастьян не видел, что они делают. Какую-то минуту ему хотелось войти и выяснить.

Вчера она говорила с ним осторожнее. Он вспомнил её взгляд над книгой, короткое движение губ, когда она сдерживала улыбку, и вдруг отчётливо представил, как она будет говорить, если перестанет заранее ждать замечания.

Следом вспомнилось утреннее: «Я перепутала строки. Вам уже сказали?»

Она ожидала, что ему докладывают о каждой её ошибке.

Он прошёл мимо стеклянной двери.

В кабинете достал письмо её дяди и лондонские листы. Из первой бумаги можно было понять слишком мало; вторая объясняла почти всё. Показать обе мисс Хейл означало признаться, что её приезда он ждал по двум совершенно разным причинам.

Она могла уехать.

Это было её право, и Себастьян вполне ясно его понимал. Настолько ясно, что не стал придумывать другого названия тому, почему снова запер ящик.

Вечером он велел Хоббсу самому забирать почту в городке и прежде всего приносить ему конверты от мистера Хейла.

– Вскрывать? – спросил кучер.

– Нет. Только покажете, откуда и кому.

Хоббс кивнул.

Себастьян остался у стола. Можно было ещё послать за Дженнифер; до ужина оставалось время.

Он услышал шаги в коридоре, поднял голову и дождался, пока они удалятся.

Глава седьмая

Ужин в семь

К вечеру следующего дня Дженнифер почти убедила себя, что серую книгу следует вернуть в библиотеку прежде, чем Себастьян успеет о ней спросить.

Дело было не в книге.

Она дважды открывала шкатулку, рассматривала пуговицу и снова заворачивала её в бумагу. Вещица могла принадлежать любому приезжему. Могла пролежать у лестницы неделю. Ничего необычного в потерянной пуговице не было, а прятала её Дженнифер так, словно уже знала о совершённом преступлении.

После обеда миссис Вейн отпустила её почти сразу.

– Завтра Роуз достанет ящик, – сказала она. – Я попросила напомнить, где ключ. Сегодня у меня голова слишком ленивая.

Дженнифер заметила, как тяжело ей даются даже эти слова, и не стала спорить.

В своей комнате она положила пуговицу в карман, взяла книгу и спустилась.

Дверь в сад была открыта.

Себастьян стоял на каменной площадке, разговаривая с человеком, на сапогах которого засохла известь. У ног лежали доски. Незнакомец провёл рукой вдоль стены, что-то объясняя, затем подхватил инструменты и ушёл к старому флигелю.

Дженнифер задержалась у порога.

– Мисс Хейл?

Пришлось выйти.

– Я хотела вернуть книгу.

– Через сад?

– Сначала собиралась пройтись.

Себастьян посмотрел на том у неё в руках.

– Она вам не понравилась?

– Я её ещё не дочитала.

– Это не ответ.

Дженнифер встретила его взгляд и вдруг подумала, что он вполне умеет различать ответы, когда слушает чужие.

– Понравилась, – сказала она. – Не во всём.

– Тогда пока оставьте.

Он спустился на дорожку и повернулся, ожидая. Дженнифер помедлила, но пошла следом. Отсюда можно было в любой момент вернуться в дом; это помогало идти свободнее.

На газоне лежали первые жёлтые листья. Садовник собрал их в небольшую кучу, которую ветер уже успел разобрать по краям. Дженнифер миновала её осторожно, стараясь не наступить на длинную ручку грабель.

– Вы говорили, здесь нельзя ходить у лестницы, – напомнила она.

– Её снимают. Каменщик нашёл трещину под верхней площадкой.

– Значит, это было не общее запрещение.

Себастьян чуть повернул голову.

– Вы приняли его за такое?

– Я ещё не знаю, какие у вас запрещения бывают общими.

Он посмотрел на неё внимательнее, и Дженнифер почувствовала, как в кармане под пальцами сдвинулась пуговица.

Пока она решала, с чего начать, Себастьян заговорил сам:

– Вам писали из дома?

– Ещё нет. Я тоже не отправила письмо. Только приготовила.

– Отправьте, когда захотите. Но прежде я должен кое-что вам сказать.

Они дошли до скамьи. Себастьян остановился, не предлагая ей сесть.

– Ваш дядя получает деньги за сведения об Эвердене.

Дженнифер сразу поняла все слова. Они были простые. Неясным оставалось лишь то, почему он произнёс их ей.

– Какие сведения?

– О тех, кто приезжает. О тётке. О семейных бумагах.

– От кого он получает деньги?

– От человека, связанного с делами моей семьи.

– И вы узнали это из моего письма?

Он нахмурился.

– Вашего письма никто не видел.

Она сама услышала, как нелепо прозвучал вопрос: неотправленный лист лежал у неё в комоде. Но мысль о том, что чужие руки могли его трогать, почему-то испугала больше только что сказанного.

– У меня есть сообщение из Лондона, – продолжил Себастьян. – Две встречи, переданный пакет, уплаченный после этого долг. Я могу показать вам лист.

– Это не обязательно значит, что деньги дали за меня.

Последние слова вырвались прежде, чем она успела их изменить.

Себастьян помолчал.

– За то, что с вашей помощью рассчитывают узнать, – сказал он.

Дженнифер посмотрела на дом.

За верхним окном Роуз раздвигала шторы. Привычным движением отвела край ткани, закрепила, перешла к другой половине. Всё в этом доме продолжалось так же, как минуту назад.

– Он велел вам спрашивать меня? – произнесла Дженнифер.

– Нет.

– Тогда откуда вы знаете, что я вообще стану ему отвечать?

– Я этого не знаю.

Себастьян стоял рядом, не приближаясь. Ей хотелось, чтобы он сказал ещё что-нибудь, и одновременно хотелось уйти, пока лицо не выдало, как сильно её задело услышанное.

Дядя мог принять деньги. Эта мысль пришла сразу и оттого была особенно постыдной. Она не успела даже возмутиться за него как следует.

Все тринадцать лет Дженнифер слышала, во что обошлось её содержание.

И всё же это был человек, который присылал ей яблоки, когда она болела, однажды заступился перед тётей, разрешал брать книги из кабинета. Она помнила хорошее слишком ясно, чтобы без труда превратить его в незнакомого негодяя.

– Когда пришло сообщение? – спросила она.

– Вчера.

– Почему вы решили сказать мне только сейчас?

– Я хотел понять, насколько далеко он зашёл.

Она ожидала продолжения, но Себастьян замолчал.

Дженнифер стиснула серый переплёт. Если попросить показать письмо, придётся признать, что она поверила достаточно, чтобы искать доказательства. Если отказаться – возвращаться в комнату с той же пустотой в голове.

– Я прочту этот лист, – сказала она.

– Хорошо.

– Сама.

– Разумеется.

Он произнёс это так спокойно, что она почти рассердилась. Ей сейчас приходилось отвоёвывать даже самые обыкновенные вещи, а для него они оставались разумеющимися.

Себастьян проводил её в библиотеку и принёс письмо. Отдал только лист с заметками; Дженнифер видела, что в конверте оставалась ещё бумага.

Прочла она дважды.

Ни о ней, ни о её приезде в заметках не говорилось. Были названия улиц, часы встреч, фамилия дяди. Указанная сумма уплаченного долга показалась слишком большой.

– Здесь нет моего имени, – сказала она.

– Нет.

– Тогда я пока не знаю, что именно он обещал.

– Не знаете.

Дженнифер подняла глаза.

– Вы хотите, чтобы я спрашивала его об этом?

– Я хочу, чтобы вы не выполняли поручений, которые вам непонятны.

Она медленно сложила лист по старому сгибу.

– Это я могу решить сама.

У Себастьяна дрогнула щека. Он взял бумагу, но не убрал в конверт.

– Да, – сказал он после паузы. – Можете.

Дженнифер отступила от стола. Пуговица упиралась в ладонь сквозь ткань кармана.

Теперь отдавать её совсем не хотелось.

И всё же она вернулась.

– Позапрошлой ночью к вам приезжали.

Себастьян поднял голову.

– Вы слышали?

– Видела карету. Потом вышла, потому что подумала о миссис Вейн. У лестницы говорили двое. Я узнала ваш голос.

Он посмотрел на дверь.

– Тётке не стало хуже.

– Я уже знаю. А утром после его приезда нашла это.

Дженнифер положила пуговицу на край стола.

Себастьян взял её, поднёс ближе к окну и перевернул.

– Где именно?

Она объяснила.

– Она могла лежать там и раньше, – добавила Дженнифер.

– Могла.

– Вы знаете, чья она?

– Похожа на пуговицы с сюртука приезжего.

– Кто он?

– Эллис. Посредник в одном старом деле.

Дженнифер ждала.

– Узор вам знаком? – спросила она наконец.

– Не могу сказать уверенно.

Себастьян положил пуговицу обратно, ближе к ней.

Он не потребовал ни забыть разговор, ни отдать находку. От этого у Дженнифер немного ослабло неприятное чувство между лопатками.

– Я сохраню её, – сказала она.

– Хорошо. Если Эллис спросит о пропаже, я сообщу вам.

Пуговица снова исчезла в кармане.

Дженнифер взяла книгу. У порога Себастьян окликнул её:

– Вы ужинаете наверху?

– Обычно мне приносят.

– Приходите сегодня вниз. В семь.

Она обернулась.

У него был тот же вид, с каким он недавно велел ей отдыхать.

– Вы меня приглашаете?

Себастьян посмотрел на неё, потом опустил взгляд на конверт в своей руке.

– Да, – сказал он. – Приглашаю. Если вы захотите.

Дженнифер не знала, захочет ли.

В комнате она долго сидела у стола, положив перед собой неотправленное письмо. В нём всё было благополучно: доехала, встретили, здешний воздух сырой, миссис Вейн добра. Ничего о том, сколько раз она уже боялась ошибиться. Ничего о матери.

Она не стала ничего дописывать.

Без четверти семь Роуз нашла её перед зеркалом в голубом платье.

– Помочь с застёжкой?

– Пожалуйста.

Служанка поправила ткань на спине. Чинёный шов почти не был заметен, если не приглядываться.

– У вас очень ловко получается, – сказала Дженнифер.

– Сестра учила. Я у неё всё криво застёгивала, когда маленькая была.

– Она старше?

– На восемь лет. Теперь сама за детьми пуговицы подбирает. Говорит, муж теряет чаще обоих мальчишек.

Роуз улыбнулась, и Дженнифер неожиданно захотелось увидеть этот дом, где можно ворчать на потерянную пуговицу, не спрашивая себя, кому она принадлежала ночью.

– Она далеко живёт?

– За городком, у мельничной дороги. По выходным иногда хожу. Если здесь не нужна.

Роуз закончила с застёжкой и отступила.

– Хорошо сидит, мисс.

Дженнифер поблагодарила её и ещё раз взглянула в зеркало.

Она оделась к ужину с хозяином дома.

Оттого, что рядом было столько более серьёзных причин для тревоги, эта простая мысль не стала ни спокойнее, ни менее волнующей.

Стол накрыли в небольшой столовой. Место миссис Вейн оставалось пустым; Себастьян объяснил, что тётка решила не вставать. Он отодвинул для Дженнифер стул, и ей пришлось пройти мимо него совсем близко.

На нём был тёмный сюртук. При дневном свете она успела привыкнуть к его одежде для верховой езды, к сапогам, к небрежно убранным перчаткам. Теперь белая ткань у шеи подчёркивала загар, и знакомое лицо на мгновение показалось другим.

Дженнифер села слишком прямо.

Первые несколько минут они обсуждали погоду.

Она успела объяснить, что дождь был утром, хотя Себастьян, несомненно, видел его сам. Потом сообщила, что миссис Вейн сегодня мало слушала. Он ответил, что знает.

Подали суп.

Дженнифер смотрела на ложку и думала, что наверху можно было бы поужинать гораздо тише, не испытывая при этом ни малейшей неловкости.

– Я полагал, – сказал Себастьян, – что после ваших замечаний о книгах мы найдём о чём поспорить.

Она подняла глаза.

– Обязательно спорить?

– Вы можете согласиться со мной. Но пока я не знаю в чём.

Дженнифер невольно улыбнулась.

– Мне не понравилось, что ваш путешественник не расплатился с мальчиком.

– Который привёл его домой?

– Да.

– Вы уверены, что не расплатился?

– Он об этом не написал.

– Но написал, как мать мальчика дала ему единственное сухое место у огня, а сама осталась стоять.

– Именно. Он заметил всё, что для него сделали.

Себастьян отложил ложку.

– Вы считаете его неблагодарным?

– Я считаю, что он очень хорошо умеет благодарить на бумаге.

На этот раз Себастьян рассмеялся.

Звук был негромким, коротким и совсем не похожим на его обычную сдержанную усмешку. Дженнифер почувствовала странную радость: ей удалось вызвать его, и теперь хотелось услышать ещё.

Она поспешила взять стакан.

– Я не сказала, что книга плохая.

– Нет. Вы только лишили её автора права сесть за стол.

– Его уже накормили. В этом и затруднение.

Себастьян снова улыбнулся.

Дженнифер опустила стакан, не отпив.

Постепенно разговор перестал требовать усилий. Он рассказал, что много лет пропускал предисловие к этой книге, а потом обнаружил: издатель сократил часть писем и изменил их порядок.

– Значит, вы защищаете человека, которого сами не дочитали, – заметила Дженнифер.

– Я защищаю своё право иногда пропускать предисловия.

– Даже если там объясняют главное?

– Особенно тогда. Не люблю, когда за меня заранее решают, что считать главным.

Она посмотрела на него поверх края стакана.

Себастьян на мгновение задержал взгляд на её лице. Затем взял хлеб.

– Это прозвучало самонадеянно, – сказал он.

– Немного.

Он кивнул, принимая замечание, и спросил, что она читала дома.

Дженнифер начала с тех книг, которые разрешалось брать в кабинете дяди, потом вспомнила старую историю о кораблекрушении, доставшуюся без первых страниц. Они с матерью читали её зимними вечерами и так и не узнали, почему герой вообще вышел в море.

– Вы не искали другой экземпляр?

– Искала. Дядя не помнил названия.

– А вы?

– Я была маленькая. Помнила только остров и человека, который всё время ругался с попугаем.

Себастьян задумался с такой серьёзностью, будто речь шла о важном письме.

– Попугай разговаривал?

– Очень много.

– Тогда выбор шире, чем хотелось бы.

Дженнифер рассмеялась.

Служанка, менявшая тарелки, едва заметно улыбнулась тоже. На какое-то время стало легко даже оттого, что их слышат.

О матери Дженнифер больше не рассказывала. Себастьян не расспрашивал, но, когда подали сладкое, вернулся к потерянной книге:

– В библиотеке есть несколько старых морских повестей. Можете посмотреть.

– Придётся прочесть их все.

– Это займёт время.

– У меня теперь есть время для чтения.

Он провёл пальцем по ножке бокала.

– Да, – сказал он. – Есть.

К концу ужина Дженнифер обнаружила, что сидит, чуть наклонившись к столу, и не поправляет каждую минуту складки платья. Себастьян слушал её рассказ о тёткином убеждении, будто романы портят зрение сильнее других книг.

– Плохое освещение, вероятно, действовало на неё избирательно, – заметил он.

– Только на молодых женщин. Дядя читал до полуночи совершенно без последствий.

– Кроме долгов.

Она замолчала.

Себастьян сразу перестал улыбаться.

– Не следовало этого говорить.

Дженнифер посмотрела на свою тарелку. Несколько мгновений назад она почти забыла о саде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.